

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Говорскимъ.

А П Р Ъ Л Ъ .

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ IV.

КИЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. И А. ДАВИДЕНКО.

1864.

О НАРОДНЫХЪ ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

(Продолженіе).

Всѣ предметы народной лирики, главнымъ образомъ, могутъ быть сведены къ тремъ, это—религіозныя представленія народа, его исторія и бытъ; а потому и всѣ южно-русскія народныя пѣсни можно свести къ слѣдующимъ 3 разрядамъ: духовныя стихи, пѣсни историческія и бытовыя.

1) *Духовные стихи.* Такъ называются стихотворенія, которыя слагались и пѣлись слѣпцами—стариками, или, какъ ихъ называли въ прежнія времена, калѣками, ходившими въ разныхъ мѣста, преимущественно же на поклоненіе святымъ мѣстамъ Палестины и Греціи, отъ чего въ нихъ и случается часто элементъ восточный. Предметъ этихъ духовныхъ легендъ составляетъ, по большей части, славословіе Спасителя (Рождество Христово, Страшный судъ и др.), Пресвятой Дѣвы и святыхъ угодниковъ (Лазарь, Іосифъ-прекрасный, Теодоръ-Тиронъ, Ілія-пророкъ, св. Алексій, св. Николай, великомученица Варвара и др.), иногда же просто молитвенное пѣнопѣніе. Съ перваго взгляда, эти духовныя пѣсни, по характеру ихъ содержанія, относятся къ народному эпосу и составляютъ одну изъ формъ его. Но вникая въ нихъ поглубже, мы находимъ, что, въ большей части этихъ пѣсень, элементъ лирической преобладаетъ надъ эпическимъ, и объективный интересъ подчиненъ субъективному настроенію пѣвца; почему мы и относимъ ихъ къ народной музыкѣ. Это преобладаніе субъективности имѣетъ здѣсь свой особенный характеръ: это

умозрѣніе, переходящее въ мечтательность и религиозный мистицизмъ. Онъ условливался личностію пѣвцовъ—слагателей: лишенные по большей части зрѣнія, чуждые окружающаго ихъ міра, калѣки, немогши долго останавливаться на обрисовкѣ воспѣваемаго предмета красками внѣшней дѣйствительности, и, при первой возможности, уносились въ міръ горній, въ міръ умозрѣнія и отвлеченія; а такъ какъ предметъ, вызвавшій это умозрѣніе, былъ предметъ религиозный, то и умозрѣніе должно было быть таково же; а двоевѣрность воззрѣнія и фантазій, сочетавъ во едино разнородные и совершенно разнохарактерные элементы, наложила на него печать мечтательности и мистицизма. Что касается участія народнаго творчества въ сложеніи нашихъ духовныхъ стиховъ, то есть мнѣніе, будто они первоначально принесены къ намъ изъ Византіи ¹⁾ и не составляютъ самобытнаго созданія русскаго народа; а не бывши явленіемъ, естественно возникшимъ вслѣдствіе потребностей самаго народа, они будто и оставались чужды ему. Дѣйствительно, основа нашихъ духовныхъ стиховъ по большей части не русская, а греческая, пришедшая къ намъ оттуда вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Но это еще не даетъ права думать, что русскій духъ не участвовалъ въ созданіи ихъ: вѣдь поэзія нѣмецкихъ мивнезингеровъ развилась же на почвѣ иноземной—на принятыхъ изъ вѣвъ сказаніяхъ о Карлѣ В., Артурѣ и Гралѣ. Уже одно то, что духовные стихи наши носятъ на себѣ явные слѣды народнаго міеологіи и вѣрованій народныхъ и, вообще, представляютъ смѣсь паганина съ христіанствомъ, достаточно свидѣлствуютъ о близости ихъ къ народу и объ участіи въ нихъ народнаго генія. Творческій духъ народа нашелъ въ этихъ произведеніяхъ исходъ своему двоевѣрному воззрѣнію.

2). *Пѣсни Героическія*. Это—историческія или былевныя пѣсни, изображающія лица и событія изъ различныхъ эпохъ исторіи Малороссіи. Онѣ получили свое начало еще до времени козачества, но особенно развились въ 16 и 17 вѣкахъ, которые по этому справедливо почитаются временемъ просвѣщенія ихъ. Изъ перваго періода козачества, періода вольницъ своеобразнаго народнаго развитія, въ нихъ воспѣты: Иванъ Свирговскій, Дмитрій Вишневецкій, извѣстный въ наро-

¹⁾ Мнѣніе это не выдержитъ критики. Единство сюжета, догматики и проч., не даетъ еще права считать однимъ и тѣмъ же пѣсни двухъ православныхъ народовъ. Ред.

дѣ подѣ именемъ рыцаря Байды, Ружный, Подкова и другіе двигатели народной жизни, славные воинскими подвигами и козацкою удаляю. Пѣсни эти дышать юношескою бодростію, геройскою отвагою и чувствомъ народнаго простора. Но когда, къ концу 16 вѣка (1589 г.), для Украины настала година испытанія, година уни и польскаго ига и когда между поляками и малороссами родилась непримиримая, ожесточенная вражда, съ того времени историч. пѣсни южно русскія получаютъ другой характеръ, характеръ оппозицій народа южно-русскаго натиску пришлого, латинскаго элемента; прежній веселый и беззаботный духъ ихъ смѣняется печальною задумчивостію, сосредоточенною думою; прежнія рыцарскія и немѣвщіа опредѣленной цѣли воинственныя стремленія и предпріятія теперь обращены на защиту отечественныхъ уставовъ, и, вмѣстѣ съ прежнею любовію къ родннѣ, теперь все дышетъ местию притѣснителямъ прародительской вѣры и глубокою ненавистію къ нимъ. Таковы пѣсни о Сагай (ачномъ, Наливайкѣ, Лободѣ, Чураѣ и другихъ историческихъ дѣятеляхъ, ратовавшихъ за свободу Вѣры и отчизны. Далѣе, слѣдуетъ Хмельницкій съ Барабашемъ и другими сподвижниками, изъ эпохъ послѣдующихъ воспѣваются: Дорошенко, Ковчченко, Палій, Мазена, Искра, Кочубей и мученическая смерть двухъ послѣднихъ, Желѣзнякъ, Колѣвчина и другія историческія лица и происшествія.—Былевыя пѣсни Малороссіи, въ эстетическомъ отношеніи замѣчательныя по рѣзкости колорита и мастерской обрисовкѣ предмета въ отношеніи историческомъ, важны тѣмъ, что въ нихъ очень сильно высказывается непосредственное участіе народа въ событіяхъ, и тѣмъ что въ нихъ иногда упоминается о такихъ фактахъ, которые не занесены въ лѣтописи.

Думы составляютъ видъ историческихъ пѣсень, принадлежащій бандуристамъ. Онѣ отличаются отъ былевыхъ пѣсень какъ своимъ предметомъ, такъ и характеромъ. Предметъ ихъ поученіе, извлекаемое бандуристомъ изъ какаго либо историческаго факта или изъ случая жизни частной и предлагаемое народу въ формѣ поэтическаго разсказа, почему дума всегда серьезна и строга. Это выраженіе лирическаго содержанія въ повѣствовательной формѣ сообщаетъ думамъ особенную прелесть, а художественная отдѣлка и приемы великорусской народной поэзіи (напр. сравненіе чрезъ отрицаніе), составляя обыкновенную ихъ принадлежность, сообщаютъ имъ особенную силу и впечатлительность. Отъ сочетанія же

въ думахъ эпическаго элемента съ лирическимъ происходитъ и разнообразіе ихъ метра: элементъ эпическій выражается разномѣрными стихами, состоящими изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ и неопредѣленнаго числа слоговъ, когда же въ думѣ является на первомъ планѣ лирической элементъ, тогда она принимаетъ опредѣленный пѣсенный размѣръ.

3). *Бытовья пѣсни*. Въ быту народа, какъ и въ жизни недѣлимыхъ можно различать двѣ главные стороны: положеніе общественное и жизнь семейную. На этомъ основаніи всѣ бытовья пѣсни малороссіянъ можно свести къ двумъ видамъ: пѣсни общественно бытовья и семейныя.

А. Общественныя бытовья воспроизводятъ разнообразный бытъ малоросса. Сюда относятся пѣсни *войсковыя* или *козацкія* въ тѣсномъ смыслѣ, *чумацкія*, *бурлацкія* и *гайдамацкія*. а). *Войсковыя*, изображающія бездомовный бытъ запорожца, его Сѣчь и вообще — бытъ козака, посвятившаго жизнь свою военной службѣ, проникнуты глубокою любовію къ родицѣ и мыслию о высокомъ значеніи *войсковаго* быта, а не рѣдко и тоской по родной землѣ. Онѣ, по большей части, сложены козаками; тѣже, въ которыхъ оплакивается разлука съ козакомъ или смерть его, можно думать составлены женщинами — матерями, сестрами или женами падшихъ удалцовъ и принадлежать, слѣдовательно, къ разряду пѣсней семейно-родственныхъ. б). *Войсковому* быту, имѣвшему цѣлью безопасность о славу отчизны; былъ противоположенъ бытъ *чумацкій* и *бурлацкій*, когда козакъ вынужденъ былъ или таскаться по разнымъ мѣстамъ, для домашнихъ цѣлей и нуждъ, или поступить въ услуженіе къ другимъ изъ за дневнаго пропитанія. Грустно тяжело было козаку, отказаться отъ боевой жизни, отъ сабли, коня, отъ этого грусть; мрачное недоумѣніе и какое то тупое равнодушіе ко всему окружающему составляютъ главные тоны пѣсней *чумацкихъ* и *бурлацкихъ*. Въ послѣднихъ, сверхъ того, сильно проглядываетъ вѣра въ судьбу. с). Пѣсни *гайдамацкія*, по духу своему, соответствуютъ великорусскимъ *разбойничьимъ*. Народъ мало запомнилъ ихъ; въ большемъ количествѣ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, онѣ повадуются въ Галицию.

Б. Пѣсни семейныя. Семейная жизнь есть по преимуществу жизнь женщины, а потому и пѣсни, выражающія ее, можно назвать женскими. Рождаясь изъ потрясенной думы женщины, онѣ составляютъ неотъемлемую ея принадлежность и необходимое дополненіе ея нравственному существованію.

Южнорускія сямейныя пѣсни поэтычэска вобразваюць аста-
 яніе думы южна русскай жанціны, вь разлыванія мгновенія
 жанні и подь вліаніемь разлывныхъ абстодательствъ. Большая
 часть ьтихъ пѣсень имѣють форму драматическую. т. е. вь
 нихъ представляются вобразуемыя лица разговаривающими
 между собою. Сямейныя пѣсни малороссовъ бывають: хоро-
 водныя, обрядовыя, любовныя и сямейно-родственныя а). Хо-
 роводныя пѣсни малороссокъ доседѣ еще не запечатлены у
 нашихъ спціалістовъ надлежащимъ именовемъ, логически-пра-
 вильнымъ наименованіемъ: названіе *веснянки*, принятое нѣко-
 торыми, не вполне исчерпываетъ понятіе ихъ. Пѣсни эти
 поются весной, подь открытымъ небомъ, при играхъ мало-
 россійскихъ хоропроводовъ, называемыхъ *танками*. Вь то время,
 когда великорусскія хоропроводныя пѣсни представляютъ неоп-
 редѣленность чувства, основу содержанія малороссійскихъ пѣ-
 сень этого разряда составляетъ уже сознавная любовь. Та-
 кимъ образомъ, предметъ малороссійскихъ веснянокъ—любовь
паробка и *дѣвчины* и различныя отношенія ихъ между со-
 бою; и только очень не многія изъ нихъ посвящены преи-
 мущественно описанію самой весны и оживающей природы.
 Подь вліаніемъ этого сознательнаго содержанія, и форма вес-
 нянокъ является болѣе отчетливою и доконченною, чѣмъ
 вь пѣсняхъ великорусскихъ: во всякой почти пѣснѣ встрѣ-
 чаются аллегорическія сравненія паробка и дѣвчины съ пред-
 метами видимой природы, такъ что каждая почти веснянка
 состоитъ изъ двухъ частей: вь первой представляется образъ,
 заимствованный изъ видимой природы, а во второй—уже са-
 мыя отношенія символизированныхъ лицъ ¹⁾.—б). Пѣсень
 святочныхъ, вь смыслѣ великорусскихъ, у малороссіянъ нѣтъ.
 Вь замѣнъ ихъ, южнорусская народная поэзія представляетъ
 богатое разнообразіе пѣсень *обрядовыхъ*, которыми сопро-
 вождаются народные и нѣкоторые церковныя праздники. Сю-
 да относятся: *колядки*, *щедровки*, пѣсни *русальныя*, *купало-
 выя* и *петровчныя* ²⁾. Колядки поются по домамъ объ Рож-

1) Это—тотъ же советъ, безъ его только формы. Ред.

2) Поздравленіе, которыми мальчики или взрослые мужчины
 сопровождаютъ посыпаніе домовъ пашнею на новый годъ, мы не-
 считаемъ пѣснями, между прочимъ, по той простой, но уважи-
 тельной причинѣ, что онѣ не поются, а говорятся или причты-
 ваются.

дествѣ Христовѣ толпами колядовщиковъ (дѣтьми, паробками, дѣвками, женатыми мужчинами и замужними женщинами). Содержаніе ихъ—поздравленіе съ праздникомъ, похвала хозяевамъ хаты или дѣтямъ ихъ и, въ заключеніе, просьба о подаркѣ. Нѣкоторыя изъ колядокъ содержаніемъ своимъ напоминаютъ старинный бытъ. Складъ и напѣвъ колядокъ довольно разнообразны. Щедровки поются вечеромъ на канунъ новаго года ¹⁾; вечеръ этотъ называется у малороссіянъ *щедрыми*, отъ чего произошло и названіе этого рода обрядныхъ пѣсень. Содержаніе ихъ въ сущности ничѣмъ не отличается отъ содержанія колядокъ: воспоминаніе о Рож. Христовѣ и наступающемъ днѣ св. Василія, а иногда о крещеніи Господнемъ, потомъ—поздравленіе хозяевъ хаты съ праздникомъ, желаніе имъ здоровья и всякаго добра и, въ заключеніе, просьба о подаркѣ. Иногда щедровки не лишены художественнаго интереса ²⁾, отличаясь поразительною картинностью изображенія, какъ напр. слѣдующая (слышанная мной изъ устъ варода).

Ой нарѣцѣ на Іорданѣ,
Тамъ Пречиста рызы прала,
Свого сына сповивала,
На яльнѣ колыхала.
Прилетѣли три ангела,
Взяли Христа на небеса,
А небеса разтворились,
И всѣ святи поклонились
Доброй вечеръ вамъ,
Дайте пирога намъ,
Та веламайте-цѣлый давайте. ³⁾

Размѣръ щедровокъ однообразнѣ склада колядокъ: щедровки, по большей части, состоятъ изъ стиховъ въ два уда-

¹⁾ Въ Кіевской губерніи поются и на Богоявленіе ¹⁾.

²⁾ Нетолько въ кіевской, но и во многихъ мѣстахъ Бѣлороссіи. Вообще весьма многія пѣсни южноросса и западно-росса—однѣ и тѣже. Послѣдній выселаясь изъ своихъ лѣсовъ по недостатку продовольствія, а первый укрываясь въ лѣсахъ Бѣлоруса отъ польско-іезуитскихъ притѣсненій, взаимно обобщали свои думы и пѣсни. Ред.

²⁾ Многія изъ нихъ составлены школярами—пѣнтами древней, кіевской бурсы. Ред.

³⁾ Родина этой пѣсни, какъ показываетъ ея обстановка и характеръ, есть Бѣлорусь. Ред.

ревія, сосредоточивающіяся на первых слогах тонической стопы. Отъ этого и напѣвъ ихъ почти всегда одинъ и тотъ же; напѣвъ заключенія щедрокъ всегда отличенъ отъ напѣва остальной ея части.— Пѣсни русальныя, съ дѣмътью о старинныхъ русалкахъ, поются около времени праздника Троицы, на такъ-называемой *зеленой* или *клевальной* недѣлѣ.— Купаловыя поются на народномъ праздникѣ Ивана Купала, которому посвящается ночь съ 23-го на 24-е іюня, (день рожденія Іоанна ¹⁾ Предтечи) сопровождаются различными обрядами, потерявшими теперь значеніе, а петровочныя, какъ самое ихъ названіе показываетъ, поются во время Петрова носта, при полевыхъ работахъ или занятіяхъ домашнихъ, а также въ свободные отъ трудовъ часы, на сельскихъ сходбищахъ.

с) *Любовныя пѣсни* изображаютъ душу украинской дѣвы подъ напѣмъ любви, душу пламенную, звергическую, умѣющую любить страстно, всею пыломъ теплаго юга. Здѣсь мы видимъ любовь, совсѣми ея наслажденіями и тревогами, радостію и печалью, постоянствомъ и измѣною, ревностію и разлукою: въ нихъ южнорусская дѣва то упрекаетъ своего милаго, зачѣмъ онъ долго не продалъ ея, то старается продлить свиданіе съ нимъ, то горько плачетъ и жалуется ему, что идетъ за нелюбаго и предвидитъ лихую долю, то укоряетъ свою подругу, зачѣмъ та *перемовила* ея возлюбленнаго и пр. Лучшія изъ этихъ пѣсень тѣ, въ которыхъ изображается прощанье съ милымъ, главныя характеристическія черты ихъ—глубокая тоска души и безнадежность на возвратъ счастья—доли. Эти пѣсни можно назвать похоронной элегіей надеждамъ женскаго сердца.

д) *Пѣсни свадебныя* изображаютъ тревожное состояніе сердца малоросскаго невѣсты—дивчины въ рѣшительную минуту ея выхода замужъ. Если она выходила за милаго, избраннаго сердцемъ, то она болѣзненно заглядывала въ будущее пугливо, то просила его: не перемѣнится ли онъ къ ней, всегда ли онъ къ ней, всегда ли будетъ любить ее одинаково; а допустивъ возможность противнаго и представивъ себѣ новую среду жизни, жизни съ чужими людьми—свекромъ и золовками, она съ грустью смотрѣла на свою разлуку съ подругами, со страхомъ разставалась съ своимъ роднымъ угломъ, гдѣ ее

³⁾ Чѣмъ и объясняется полуязыческое, полу—христіанское названіе народнаго праздника, особенно популярнаго и поэтичнаго въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ бѣлоруса. Ред.

окружала и лелеяла родительская любовь. Воли же соединила она судьбу свою съ *нелюбымъ*, по волѣ родительской; то къ суммѣ думъ, подымавшихся изъ глубины души и настроивавшихъ сердце и воображеніе на печальный ладъ, присоединилась новая тревога: какъ ужиться съ *человѣкомъ* немалымъ и привыкнуть къ его нраву? Всѣ эти переливы души, всѣ эти тревоги сердца поэтически высказались въ свадебныхъ пѣсняхъ: на каждомъ шагу вы встрѣчаете въ нихъ страхъ за будущее и сожалѣніе о настоящемъ, разрывающіяся слезами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ представляютъ картину торжества свадьбы, сопровождаемаго различными обрядами.

е) *Пѣсни семейно-родственные* съ выходомъ замужъ, женщина вступаетъ въ новую сферу жизни; ее окружаетъ новая среда, въ которой она должна опредѣлить себя; вмѣстѣ съ тѣмъ она испытываетъ новыя, дотошъ невѣдомыя состоянія души и сердца. Здѣсь начало пѣснямъ семейно-родственнымъ. Южнорусскія пѣсни этого разряда рисуютъ жизнь замужней женщины и тѣ состоянія сердца, которыя приходится ей испытывать въ слѣдствіе новыхъ родственныхъ и семейныхъ отношеній. Здѣсь вы видите картину или семейнаго житія, или же тяжкой доли съ *нелюбымъ*; слышите горькія жалобы молодой невѣсты на *оверкруху*, которая обременяетъ различными работами и не позволяетъ ей погулять съ прежними подругами, или на суроваго и ревниваго мужа, который *не даетъ ей воленьки, а що пере рубанцемъ*; видите молодую жену въ одиночествѣ и тоскѣ по мужъ-чумака или въ тяжелой скорби объ утратѣ милыхъ сердцу. Главный мотивъ этихъ пѣсень, со всѣми ихъ подвигами, та же грусть, которая характеризуетъ пѣсни свадебныя и отчасти любовныя. Главнѣйшія виды семейно-родственныхъ пѣсень—пѣсни *колыбельныя* и *похоронныя* ¹⁾. Въ первыхъ поэтически изображается тревожное состояніе сердца матери при мысли о грядущей судьбѣ ея дѣтей. Главный мотивъ ихъ тревожно-скорбная дума, трепещущая за будущее. Вторыя были у малороссовъ то же, что у гре-

¹⁾ Пѣсень сатирическихъ и гулявыхъ не не поставляемъ въ особенный разрядъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые изслѣдователи отечественной старины,—на томъ основаніи, что тѣ и другія, по предмету своему, относятся къ какому либо изъ разсмотрѣнныхъ разрядовъ; сатиру же и юморъ мы принимаемъ за характерическую черту поэзіи.

ковъ тлены, у римлянъ ненинн. Обыкновенно предметъ ихъ достоинства покойника, иногда упрекъ за его преждевременную смерть и чувство скорби, возбужденное въ сердцѣ родныхъ утратою его. Исторгаясь изъ души потрясенной герестнымъ событіемъ, какова утрата милыхъ сердцу, онѣ отличаются небрежностію метрическихъ условій и нацѣва, и потому справедливо называются *причитаньями*. Да и требовать отъ нихъ соблюденія этихъ условій было бы противоестественно: похоронныя пѣсни суть невольное и непосредственное изліаніе растерзаннаго сердца; а въ такія минуты человѣку не до творчества и композицій. По этому метризмъ въ нихъ замѣняется невольнымъ растягиваньемъ слоговъ, проходящихъ отъ плача, музыкальность нацѣва выполняется рыдавіями. Въ замѣнъ того, онѣ представляютъ намъ ничѣмъ неискупаемое богатство апострофъ, сравненій и подобій, дышущихъ всею силою и нѣжностію разбитаго горемъ сердца. Въ болѣе поэтической формѣ похоронныя пѣсни являются, отрывками, въ нѣкоторыхъ не похоронныхъ пѣсняхъ, гдѣ чувствованія скорбящаго уже объективированы, и слѣдовательно удобіе къ поэтическому проявленію въ звукахъ.

Обозрѣвъ южнорусскія народныя пѣсни по разрядамъ и познакомившись чрезъ то съ ихъ предметомъ и содержаніемъ, мы покажемъ теперь ихъ художественный хаактеръ. Для этого разсмотримъ ихъ параллельно съ пѣснями великорусскими.

«Есть таинственная связь между нами и міромъ насъ окружающимъ: часто во внѣшнемъ мірѣ мы видимъ только отраженіе внутренняго состоянія души нашей, но еще чаще внѣшній міръ подчиняетъ себя внутреннее существо наше, настроивая насъ на свой ладъ и оставляя въ душѣ нашей глубокія слѣды.—Скудная сѣверная природа, не представляя удобства и выгоды для внѣшняго бытія заставляеть человѣка, прежде и болѣе всего, направлять всѣ силы на внѣшнее существованіе. Эта борьба со скупой природою, эта забота объ улучшеніи внѣшней стороны жизни, влечетъ за собою движеніе, дѣятельность и способствуетъ къ раннему и особенному развитію въ человѣкѣ мыслительной силы: въ немъ рождается догадливость, сметливость, мысль пріобрѣтаетъ остроту и силу, и человѣкъ развивается подъ непосредственнымъ господствомъ разсудка. Въ еднородіе же преобладанія разсудочной стороны, другія силы души—чувство и воля не достигаютъ полнаго развитія. Все это мы видимъ въ жителѣ сѣверной Руси: воля у него строго подчинена расчетамъ разсудка, что прекрасно вы-

ражено пословицей *тише пѣдешь, дальше будешь*; чувство его, ослабляемое разнообразіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, немнѣющее сосредоточенности въ себя и находящееся подъ вліяніемъ того же практическаго разсудка, не доходитъ до степени старости, а только чувствуетъ. Возьмемъ ли мы чувство религиозное, оно выражается только покорностью волю Божіей; чувство любви—будетъ ли это любовь мужчины или материнская, или даже любовь молодой женщины—есть только нѣжное, тонкое, такъ сказать, созерцательное чувство, и никогда почти не спыхиваетъ бурною и пламенною страстію. Тогда—когда римская или испанская дѣвушка отравляетъ соперницу или закалывается изъ заживаго, во измѣнившаго любезнаго, дѣвушка русская тихо сходитъ въ могилу отъ любви къ измѣнившему, отторгнутому родительской властью, далекому или умершему возлюбленному; одинокая и тающая, она скорѣе—извѣстіе любви и грусти, чѣмъ живое существо; о ней, вмѣстѣ съ Шекспиромъ¹⁾, можно сказать.

Задумчива, блѣдна, въ тоскѣ глухой,
 Какъ геній христіанскаго терпѣнія,
 Изстѣнный на камнѣ гробовомъ,
 Она глядитъ съ улыбкой на тоску.—

Подъ другими условіями развила душа и характеръ южнаго русса. Щедро награждая труды земледѣльца, природа южная не представляла для своего жителя особенной необходимости увлекаться во внѣшнюю сторону бытія, и тѣмъ самымъ содѣйствовала къ его сосредоточенности въ самомъ себя и къ болѣе всестороннему развитію его внутренняго міра. Не будучи вынужденъ изощрять умъ свой надъ удовлетвореніемъ жизни, малороссъ любилъ міръ и тишину, жилъ болѣе внутри себя, и имѣлъ болѣе времени и случаевъ изощрить страсти свои. Избалованный природой, любящій покой, онъ желаніе свое поставлялъ выше расчетовъ разсудка; отъ этого и образовалась въ немъ твердая воля, развившаяся до высшаго характера во времена казачества. Чувство, неохлаждаемое въ своемъ стремленіи силою разсудка, является въ немъ на степени страсти: такъ, любовь сопровождается ревностію и простирается даже за предѣлы жизни (что очень ясно высказывается въ бесѣдахъ, обращаемыхъ къ мыльнымъ и роднымъ за гробомъ), любовь къ родинѣ безгранична, полна геройскаго самоотверженія.

¹⁾ „12-тая ночь“ переводъ Кропсберга.

Это различіе въ характерѣ великоросса и малоросса, прежде всего, становится очевиднымъ въ томъ дѣйстви, какое производитъ на того и другаго пѣніе пѣсни. Великороссъ никогда не заплачетъ отъ пѣсни своей; онъ не позволитъ ей взять надъ собою верхъ; если же заунывный ея напѣвъ сталъ шевелить его грудь, онъ тотъ часъ обыкновенно переходитъ на веселую плясовую пѣсню—съ тѣмъ, чтобъ заглушить свое чувство, переменить и разсѣять себя. Малороссъ, напротивъ, любитъ весь предаться своему ощущенію, и пѣсня нерѣдко растрогиваетъ его до слезъ.

Этотъ же характеръ, совершенно отлично образовавшійся въ великороссѣ и малороссѣ, отразился въ ихъ пѣсняхъ и наложилъ на нихъ особенную печать свою.

Такъ, въ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ главный предметъ никогда почти не высказывается со всею полнотою; большая часть пѣсни представляетъ околичности, живописуетъ съ особенною подробностію предметы посторонніе. Это отъ того, что великороссъ, съ душею, направленною ко вѣдшей жизни, прежде чѣмъ начнетъ воспѣвать поразившій его предметъ, отдѣляетъ его отъ своего сердца, поставяетъ его въ вѣдшемъ мірѣ, смотритъ на него какъ на предметъ посторонній, любитъ имъ и, склонный къ движенію, обращаетъ свое чувство къ другимъ предметамъ, постороннимъ, которые находятся съ главнымъ, въ какомъ либо отношеніи гармоніи, а эта переходчивость отъ одного предмета къ другому мѣшаетъ сосредоточенности чувства необходимой для полной обрисовки предмета. Въ поэзіи южнорусской, напротивъ, предметъ, служащій содержаніемъ пѣсни, высказывается съ различныхъ сторонъ, со всею полнотою. Это потому, что малороссъ, по своей сосредоточенной натурѣ, ни на минуту не отрывается отъ своего предмета,—онъ постоянно лежитъ у него на сердцѣ; если же и попадаютъ предметы, гармонирующіе съ его душевнымъ состояніемъ, то онъ не забываетъ изъ-за нихъ своего предмета главнаго, а употребляетъ ихъ какъ средство для яснѣйшаго выраженія его. По той же причинѣ, что душа великоросса направлена ко вѣдшей жизни, и поэзія его имѣетъ характеръ былевой, исторической: здѣсь мы встрѣчаемъ на каждомъ почти шагу повѣствованія и описанія; изображеніе предметовъ по большей части, въ прошедшемъ времени. Напротивъ того, южнорусская поэзія, въ слѣдствіе большаго развитія внутренней жизни народа, имѣетъ характеръ драматическій: повѣствованія и опи-

санія въ ней коротки, событіе представляется какъ бы совершающимися передъ глазами. Поэзія великорусская, какъ направленная на внѣшнюю сторону бытія, бѣднѣе; малороссійская же, какъ выраженіе внутренняго міра, богаче и разнообразнѣе, та есть поэзія внѣшняя, предметная, объективная, а эта— поэзія субъективная, задушевная. *Ем. Блбловъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОТИВОДѢЙСТВІЕ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ПОЛЬСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДѢ ВЪ ЗАПАДНОЙ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ, ВЪ 1863 ГОДУ.

Православное духовенство юго-западной и западной Россіи, съ открытіемъ польскаго мятежа въ 1863 году, очутившись вблизи самаго, такъ сказать, поля дѣйствій мятежниковъ, ясно понимало цѣль ихъ замысловъ и потому не могло не предвидѣть тѣхъ бѣдствій, какія имѣли обрушиться, въ случаѣ ихъ успѣха, на всѣхъ русскихъ православныхъ, и прежде всего на православное духовенство. И оно дѣйствительно не осталось холоднымъ, безучастнымъ зрителемъ этихъ событий. Воодушевленною преданностію Всероссійскому Монарху и церкви православной, оно постоянно, съ энергіей и самоотверженіемъ, противодействовало крамольникамъ, сообразно своему званію и положенію въ приходяхъ.

Затѣявъ мятежъ въ областяхъ русскихъ, даже по большинству народонаселенія русскаго, гдѣ народъ любитъ свою мѣстность за то, что она — Россія, и преданъ царю и православной вѣрѣ,—коноводы возстанія старались и здѣсь, подобно какъ въ Польшѣ, приготовить почву для своихъ дѣйствій и смыскавъ себѣ въ мѣстномъ народонаселеніи союзниковъ и сторонниковъ, и чрезъ нихъ поставить весь народъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ не могъ бы или не хотѣлъ противодействовать замысламъ и дѣйствіямъ крамольниковъ. Для достиженія этой цѣли, они усиливались, если не подавить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить русскую народность въ этихъ областяхъ,—по возможности, *ополчить* русскій народъ.